

Нина Попович

Сербский член польской диверсионной группы

Судьба любой семьи всегда связана с судьбой народа, только нашей, наверно, особенно "позвело" — Поповичи всегда оказывались невольными участниками и жертвами большой политики...

Род наш уходит корнями в стародавние времена. Еще в начале XVII века поросшие лесом долины Савы и ее притоков на границе Хорватии с Боснией и Герцеговиной заселялись сербами — переселенцами из захваченных Османской империей славянских земель. Лесорубы, охотники, землепашцы, они принимали на себя обязательства отражать набеги турок на Хорватию и Австрию. В свою очередь, военнo-феодалные власти Австрии оказывали переселенцам покровительство, предоставляя им особые права наподобие прав российского казачества. Правда, льготы сербской вольнице в Хорватии были нередко чисто внешними, и использовались сербы в сложных хитро-сплетениях европейской политики как разменная монета. А простые люди гибли и в Тридцатилетней войне, и в войне за Австрийское наследство, и в Семилетней войне, и в десятках других больших и малых войн, часто — за независимость славян и освобождение их от турецкого ига, еще чаще — за чужие интересы. Добавьте к этому еще и религиозные распри: сербы — православные, хорваты, австрийцы, венгры — ревностные католики, и вам станет ясно, что жизнь в пограничной области Кордун была вовсе не сладкой и не спокойной. Из таких-то переселенцев и произошла наша семья.

В семи километрах от города Топуска, в селе Перна в семье лесника=объездчика Павла Поповича 19 февраля 1898 года родился сын Станко, мой отец. Жили небогато, Станко был третьим ребенком и рано ушел на заработки в главный город Хорватии Загреб, называвшийся тогда на австрийский лад Аграмом.

Два года работал по двенадцать часов ежедневно учеником у хозяина небольшого торгового предприятия. К этому времени погибли от несчастного случая два старших брата Станко, умерла мать. Отец женился вторично на словенке Еве, в 1910 году у них родился сын Перо, если по-русски — Петр. Надо было помогать семье, и Станко уехал на заработки в Венгрию — тогда ведь и Хорватия, и Славония, и Венгрия входили в Австро=Венгерскую империю. Через два года, немного подзаработав, но не разбогатев, Станко вернулся домой.

Это был уже 1912-й год. В октябре началась I-я Балканская война — освободительная война Болгарии, Сербии, Черногории и Греции против известного врага народов Балканского полуострова — Османской империи. Турки потерпели поражение, но обстановка на полуострове не улучшилась. Усиление славянских государств стало казаться для венских политиков делом более опасным, чем пока еще все не бессильный старый враг Австрии — Турция. И враг стал другом, а с бывшими друзьями стало сложнее — приближалась мировая война, Австро=Венгрия готовилась выступить против Сербии и России. Надо было готовить большую армию, и на славянских окраинах лоскутной империи началась мобилизация. Солдат призывали в Чехии, Моравии, Словакии, Боснии и Герцеговине, Словении, Хорватии. Призывали и сербов, проживавших на территории империи, призывали, чтобы воевать против Сербии, родины своих дедов, родине, лишь не-

в обсерватории

давно получившей свободу. Призвали и Станко. Думал ли он, покидая родительский дом, что больше никогда в него не вернется? Думал ли, что и отец, и его жена, и Перо, и многие иные родные и близкие будут зарезаны усташами* за то, что Кордун стал партизанским районом, где не было спокойной жизни ни итальянским, ни германским, ни собственным хорватским фашистам? Наверное, нет, но о том, кому служит австро-венгерская армия, он догадался очень скоро.

Попав на русско-австрийский фронт в Галиции, унтер-офицер Станко Попович ночью при первой же возможности перешел к русским. Чешские, словацкие, сербские перебежчики были тогда уверены в добром к ним отношении со стороны бывшего противника, братской России. Оно и было доброе, но только у простых людей и на фронте и в тылу. Царское же правительство объявило их пленными со всеми отсюда вытекающими последствиями. Военнопленный Станко Попович попал в Томск. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба дальше — десятки тысяч военнопленных=славян сложили свои головы на строительстве Мурманской железной дороге, в Дарницком, Бузулукском, Ташкентском и других лагерях. Но тут в жизнь эта вновь вмешалась большая политика.

В конце апреля 1915 года буржуазные партии Хорватии, Далмации, Словении, Боснии и Герцеговины создали так называемый югославянский комитет с центром в Лондоне. Филиалы комитета работали в Париже, Петрограде, Женеве и Вашингтоне. Главным в программе комитета было создание из объединенных славянских земель

* Усташи — организованная Анте Павеличем фашистская националистическая хорватская организация. Усташами в 1934 году убиты югославский ~~король~~ король Александр и министр иностранных дел Франции Барту, на совести усташей сотни тысяч югославских патриотов, уничтоженных ими в годы второй мировой войны (прим. редактора)

Австро-Венгрии и югославянского государства с Сербией в качестве объединяющего центра. Из государств Антанты лишь правительство России до известной степени поддерживало эти планы. В связи с этим оно приняло решение, по которому лица югославского происхождения из числа военнопленных, изъявившие желание сражаться против Австро-Венгрии, направлялись в армии Сербии и Черногории. Кроме того, весной 1916 года в Одессе была сформирована I-я добровольческая сербская дивизия. Позднее была создана и вторая дивизия, вместе они составили I-й сербский добровольческий корпус, принявший участие в боях в Добрудже.

Отец в чине младшего унтер-офицера был зачислен на должность командира отделения разведки в одном из полков сербского корпуса, принимал участие в боевых действиях, заслужил два Георгиевских креста и две медали.

Октябрьская революция положила конец боевым действиям на фронте. Вскоре в России началась гражданская война. Часть личного состава сербского добровольческого корпуса перешла на сторону белых, другая часть влилась в Красную армию. Однако большинство солдат и офицеров решило не вмешиваться в гражданскую войну, а возвращаться на родину - 1 декабря 1918 года было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев, свободное славянское государство на Балканах, будущая Югославия.

Еще весной советское правительство разрешило чехословацкому корпусу выехать на родину через Владивосток. Вместе с чехами должны были ехать и сербские части. Однако в конце мая 1918 года чехословацкий корпус поднял мятеж против советской власти. Следовавшие вместе с чехами поляки, румыны, итальянцы вели себя по разному - многие все-таки вступили в бой, сербы же, хорошо вооруженные, дисциплинированные, испытанные в боях, как

правило, в боях не участвовали.

Станко — он уже давно стал Станиславом — на одной из железнодорожных станций отстал от своего эшелона, вернулся в Томск, и вскоре принял советское гражданство. С 1920 года уже не было сербского военнопленного Станко Поповича, появился советский рабочий ^{и гражданин} Станислав Павлович Попович.

Почему он это сделал? Многим сербам, и ему в том числе, импонировала Октябрьская революция, им, веками борвшимся за свободу, были близки ее идеи. А, может быть, свою роль сыграло и совсем иное — в 1922 году отец женился на русской женщине, тэмичке Антонине Яковлевне Ипатэвой, я не знаю, когда они познакомились, вполне возможно, что это случилось еще до отъезда на фронт в 1916 году.

В Томске Станислав Павлович работал чернорабочим, служащим, торговым работником. В 1927 году, уже далеко не молодым человеком, поступил в вечернюю школу взрослых, а окончив ее — в вечерний электротехнический техникум. Закончил учебу в 1933 году, преддипломную практику проходил в Новокузнецке, с 1933 года стал работать на Томской городской электростанции дежурным по щиту.

Семья наша в то время состояла из четырех человек — родители и два сына — в 1924 году родился я, в 1927-м — Радэмир. Отец для своего времени был политически грамотным человеком. Помню, как в детстве не в меру расшалившиеся ребяташек мамы и папы пугали страшным "бабаем" или еще как-нибудь. Нас же отец устрашал "буржуем". Убежденный ленинец, он и имя мне дал в честь Владимира Ильича Ленина — Нинел.

Человек труда, он был хэршим семьянином, мужественным и душевным, с развитым чувством собственного достоинства. Был

добр, щедр, снисходителен, но мог быть и требовательным. Не курил, никто и никогда не видел его пьяным.

Жили в достатке, держали корову, кур, свинью или барана. Отец сам косил траву и заготавливал сено. Физически развитый, среднего роста, бритоголовый, коренастый, кареглазый... Любил шахматы и нас, сыновей, научил играть еще в раннем возрасте. Нравилась ему французская (классическая) борьба. Часто брал меня в цирк на вечерний спектакль, где обычно борлись приезжие борцы. Любил и хорошо пел сербские и венгерские песни. Летом ходили купаться на Тэмь, плавал он хорошо. По воскресеньям брал меня на работу по ремонту электропроводки или по установке уличных фонарей на домах. Нас, детей, он любил, и нам было с ним приятно и интересно.

Часто писал в Югославию своему отцу и брату. Дружил с двумя бывшими военнопленными — Журжем, венгром, работавшем в ТГУ на конном дворе, и Пантелиади, греком, работавшем где-то в торговле. Иногда они приходили к нам в гости.

В 1929 году во время очередной "чистки" он был исключен из рядов ВКП(б) на основании клеветнических заявлений — вспомнили, что в Загребе он работал у частного торговца и самого приписали к этой категории — частник! А в партию он вступил еще в 1921 году, сразу же после получения советского подданства. Это исключение, да еще и национальная принадлежность ~~и~~ предопределили его дальнейшую судьбу.

В 1936 году уже чувствовалась леденящая поступь сталинского террора. В начале 1937 года отец уволился с ГЭС и поступил в бактериологический институт^{*)} электромонтером. Он полагал,

*) Нине — Тэмский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток. В те годы он был невелик и располагался в здании по проспекту Ленина (тогда — Тимирязева) и имел небольшое загородное хозяйство.

что сменив ответственную работу дежурного у шита на должность рядового рабочего, будет в большей безопасности от НКВД. Но он ошибся, никому нельзя было избавиться от ежовых рукавиц, особенно лицам иностранного происхождения — их ждала смерть.

25 сентября 1937 года, когда мы все уже легли спать, раздался стук в дверь. Вошли двое — один в штатском, другой в форме НКВД. Предъявили ордер на арест, подписанный начальником Томского городского отдела НКВД И.В.Овчинниковым.* Мы все, кроме маленького Радмира, встали и оделись. Через несколько минут Радмир тоже проснулся и, увидев пришельцев, заплакал. Человек в форме закричал: "Перестань плакать!"

Начался обыск. Все переворачивали, бросали на пол белье, книги, газеты... Из альбома вытащили шестнадцать фотоскарточек. Забрали все письма, присланные дедом из Югославии. Нашли сохранившиеся портреты и боевые награды отца, их тоже забрали. В моем учебнике нашли вырезку из газеты со снимками маршалов СССР. Снимки Ворошилова и Буденного бросили на пол, остальные — Тухачевского, Егорову и Блюхера — взяли с собой, хотя я и сказал, что вырезаны они из газеты мною. Обыск длился более трех часов. Все время отец был внешне спокоен. Когда обыск заканчивался, ему разрешили выйти в другую комнату, чтобы сменить на себе нательное белье. Перед уходом он нас поцеловал и сказал, что ни в чем не виновен. Его увезли на автомашине, которая вместе с шофером находилась рядом с домом. Было темно, шел мелкий осенний дождичек.

Седьмого октября из НКВД передали записку, отец просил передать ему полшубок, старые брюки, сахару, махорки — хотя сам и не курил, ложку, пару белья, мешок большой, нитки и полотенце.

* Овчинников Иван Васильевич, капитан госбезопасности. За активную борьбу с врагами народа награжден в 1938 г. орденом Ленина. В 1940 г. расстрелян за нарушения социалистической законности (прим. редактора)

Все это немногo нас успокоило, у нас создавалось впечатление, что отца направят на Север или на Дальний Восток. Все требуемое ему, конечно, мы передали. Вскоре нам сообщили из НКВД, что Попович С.П. осужден по ст. 58 УК РСФСР к 10 годам заключения в дальних лагерях без права переписки.

Еще через год наш сосед по жительству бывший начальник райотдела милиции И. Кафктыанов рассказал маме, как он встретился со Станиславом Павловичем на пересыльном этапе на Яблоновом хребте в Читинской области. Мы долго потом верили, что отец жив. А в 1947 году после запроса в органы МГБ ЗАГС г. Томска выдал свидетельство о его смерти 3 октября 1941 года, причина смерти — упадок сердечной деятельности, место смерти — город Томск.

И лишь через пятьдесят лет после ареста нам стало известно — и то далеко не сразу, а лишь после многочисленных запросов и ходатайств, — что все это преднамеренный обман родственников органами государственной безопасности.

...Никаких оснований для ареста С.П. Попова у НКВД не было. На первом допросе 3 октября следователь НКВД Щербинин не ставил вопросов относительно принадлежности отца к какой-либо организации. Его спросили лишь о том, кого из бывших военнопленных, работавших в Бактине, он знает, и назвали три фамилии. Через четыре дня, после физических воздействий и угрозы расправы с семьей, Станислав Павлович признал себя виновным в том, что является участником контрреволюционной "Польской организации войск"*) и что названные ему работники Бактина также являются членами этой же организации, а двое из них, кроме того, были агентами германской и японской разведки.

*) Об этой мифической организации см. также очерк В. Ханевича (стр. -).

Все эти иностранные разведки, диверсионные и повстанческие организации были изобретены не на местах, а в центральных органах НКВД. Действовали же они в различных местностях, в том числе в Горно-Алтайске, Новосибирске, Кемерове, Колпашеве, на предприятиях нашего города. Руководители Томского горотдела НКВД Овчинников, Романов, Щербинин, Великанов и другие уже в деталях определяли задачи различных диверсионных групп. Перед группой "Польской организации войсковой", работавшей в Бактине и состоявшей из семи человек, оказывалось, стояли две задачи:

- узнать количество находящейся на складе вакцины, добавить в нее отраву и отправить потребителям;
- подготовить вооруженное восстание против Советской власти.

С.П.Ползвича обвинили в принадлежности к этой группе. По ее заданию он якобы скрытно оборвал проводку освещения склада, в котором хранилась вакцина. Затем, по указанию администрации Бактина, он восстановил электроосвещение, но одновременно определил количество вакцины на складе и сообщил об этом руководителю организации "Я", который, тем не менее, в течение всего следствия свою вину не признал.

Все обвинение было построено на подозрениях, предположениях, "Признаниях" обвиняемых. Никаких проверок показаний обвиняемых, очных ставок и т.п. не проводилось. Все обвиняемые подписывали протоколы, есть их подписи и под документом об окончании следствия и ознакомлении с материалами дела — подписывая эти бумаги под физическим и психологическим воздействием со стороны сотрудников НКВД, обвиняемые надеялись, что будет суд, на котором они сумеют доказать свою ^{не} виновность. Откуда им было знать, что никакого суда не последует.

Отец был обвинен сразу по пяти пунктам статьи 58-й - 2, 6, 9, 10, II^{*)}, приговор с высшей мере был вынесен 26 октября 1937 года. Был ли он ознакомлен с обвинительным заключением и приговором установить по материалам дела невозможно, скорее всего он не знал о своей участи до самого последнего момента. В деле имеются акты о приведении приговора в исполнение 9 ноября 1937 года. Вместе с ним были расстреляны и другие шесть участников этой организации. Подпись на этих фирменных актах неразборчива - просто волнистая черта. УКБ по Томской области и сегодня не может назвать места расстрела и захоронения моего отца, как и многих других.

25 декабря 1957 года Военный трибунал Сибирского военного округа сообщил, что дело по обвинению Поповича Станислава Павловича пересмотрено, постановление комиссии НКВД от 26 октября 1937 года отменено, дело производством прекращено за отсутствием в действиях Поповича С.П. состава преступления^{*)}. Попович С.П. по настоящему делу полностью реабилитирован посмертно.

Так сербский солдат, советский рабочий, избравший в молодые годы вторую Родину - СССР, оказался польским диверсантом и трагически погиб от сталинских репрессий.

*) В книге неоднократно будут упоминаться различные пункты знаменитой 58-й статьи. В кратком изложении их смысл таков: п. 2 - вооруженное восстание или бандитизм, п. 6 - шпионаж, п. 9 - диверсия, п. 10 - контрреволюционная агитация и пропаганда, п. II - организация преступлений, предусмотренных иными пунктами.

*) Существуют различные формулы для прекращения дела - отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, неказанность преступления. Не вдаваясь в юридические тонкости, скажем, что смысл их один - человек невинноен (прим. редактора)